

лингвистического знака»). Отсюда понятен и тот тезис авторов о создании интегральной функциональной лексикологии конкретных языков, которым должна заняться лингвистика грядущего столетия.

В структурном отношении «Очерки» состоят из двух разделов: 1. Глагольная лексика (Ф. С. Бацевич). 2. Имена предметно-признакового типа (Т. А. Космеда). Не умаляя значения функционально-семасиологического исследования имён предметно-признаковой семантики (тем более, что в постперестроечное время в сфере оценочности произошли глубокие перемены), я хотел бы сказать несколько слов о первом разделе, поскольку глагол находится также в центре моих исследовательских интересов. В своё время (см.: Леонтий Миронюк, Семантико-стилистическая типология русских и украинских зооморфических глаголов, Ольштын 1994) я упрелел некоторые из выводов Ф. Бацевича, хотя мой анализ основывался на значительно меньшем по объёму материале. В отличие от автора я разграничивал бестиальные глаголы (см. «Очерки» §3.2: *котиться*, *нереститься* и др.) и зооморфические (типа *ишачить*, *насобачиться* и др.), что дало мне основание заметить, что глаголы способны «закодировать» (выражаясь языком автора) не только значение имени в глагольном значении, но и значение и функцию отдельных образных словосочетаний, ср.: *собаку съест* – *насобачиться*, *прикидываться лисой* – *лисить* и др. Помимо того я разделяю пафос книги Дианы Вечорек «Украинский язык. *Slavia Romana – Slavia Byzantina*. Очерк по глагольности» (Вроцлав 1997), в которой словообразовательному оглаголиванню отводится одно из важных мест.

С точки зрения современной лингвистики, следовало бы, очевидно, подчеркнуть и циркумфиксный (конфиксный) характер таких глагольных образований, как универсальные деривационные модели *НА...СЯ* (*наговориться*, *наохотиться* и др.) и *НЕ...СЯ* (*не читается*, *не можется*), которые в значительной степени обогатили функциональную сферу русского глагола. Не совсем понятно, почему авторы «Очерков» не используют такие современные термины, как «агнонимы», «мезонимы», «поли- и мононегационные образования» и др., хотя анализируемые ими примеры дают для этого все основания.

В целом, «Очерки по функциональной лексикологии» производят впечатление солидного научного исследования, в котором обобщены итоги анализа русской лексики минувшего периода и намечены пути ее изучения в дальнейшем.

Леонтий Миронюк (Ольштын)

Николова, А.: Функциональная грамматика: выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», Шумен 1997, 163 с.

Книга известного русиста, участницы международных конференций Анны Николовой является заслуживающим внимания продолжением изучения про-

пространственных отношений в Болгарии, которое начал проф. *Блажо Блажев* (см. *Употребление конструкций направления и места в современном русском языке*. Издательство «Народна просвета», София 1975, 360 с.). Работа А. Николовой состоит из предисловия (5–6), приложения (149–153), обобщения (154–156) и следующих трёх глав: I. О функциональном подходе к описанию языка (7–13), II. Пространственные отношения (14–17), III. Средства выражения пространственных отношений (17–22), IV. Система пространственных отношений в русском языке (22–148).

1.1. В предисловии указывается, что данной книгой начинается издание серии пособий по функциональной грамматике русского языка, предназначенных для студентов-русистов Шуменского университета. Теоретической основой этих курсов являются идеи функциональной школы А. В. Бондарко и немецкой функциональной школы (Галле – Потсдам). В описании пространственных отношений – в отличие от А. В. Бондарко – упор делается не на иерархию (отношение к центру и периферии) языковых единиц в функционально-семантическом поле, а на группировку языковых средств вокруг различных семантических разновидностей локативного значения. При каждом типе приводится функционально-семантический ряд, анализируется дистрибуция отдельных форм, их синтаксические потенции, обращается внимание на те группы глаголов, при поддержке которых реализуется данное значение, комментируется возможная синонимия внутри ряда и за его пределами.

1.2. В главе «О функциональном подходе к описанию языка» подчёркивается, что «разработка теоретических оснований функциональной грамматики имеет пока что поисковый характер». Вслед за А. В. Бондарко (*Основания функциональной грамматики, Теория функциональной грамматики*, Л. 1987, 320) отмечаются следующие основные черты функциональной грамматики: 1. Различаются семантические и структурные функции языковых единиц. 2. Лингвистический анализ направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе. 3. Функции реализуются при взаимодействии языковых элементов и их окружений. 4. При изучении функций языковых единиц функциональная грамматика отдаёт предпочтение подходу «от семантики к средствам её выражения». 5. Основной единицей описания является функционально-семантическое поле. 6. В поле различаются моноцентрический или полицентрический центр и периферия. 7. Поля могут взаимодействовать и пересекаться друг с другом. В работах немецких лингвистов наряду с понятием функционально-семантического поля используется и понятие «функциональные комплексы языковых средств», называющие предмет коммуникации, отражаемый факт, позицию. Одно и то же препозитивное значение может быть использовано в различных коммуникативных целях. Полное функционально-коммуникативное описание языка должно сочетать в себе субстанциальную и интенциональную сторону речевых действий.

Термины «функция» и «функциональная грамматика» употребляются в разных направлениях языкознания и отдельными лингвистами в самых разнообразных значениях. Ср., напр., реляционно-функциональная, логико-функцио-

нальная, коммуникативно-функциональная, семантико-функциональная, прагматико-функциональная, стилистико-функциональная, пражская функциональная грамматика. Под термином «функция» без ограничительной характеристики мы считаем целесообразным понимать синтаксическую функцию языковой единицы в определенной позиции по отношению к другим знакам. (Ср.: **Function:** The syntactic role that a linguistic unit takes within a 'higher' unit, such as a clause or a sentence; distinguished from its form. Sylvia Chalker, Edmund Weiner, *The Oxford Dictionary of English Grammar*, 1994, 163). – *Bloomfield: Funktion:* Gesamtheit der grammatischen Positionen, in denen eine Form stehen kann. *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini*. Hrsg. Rudi Conrad, Leipzig, 1985, 77). Функция – это грамматическая семантика, всё то, что можно определить в таких искусственно придуманных предложениях «русского языка» и других языков, как, напр., *Глокая кудра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка* (Л. В. Щерба). Термин «функционально-семантическое поле» нам кажется неудачным, поскольку он подсказывает, что одно определённое значение выражается языковыми средствами разных уровней, выступающими в одной и той же функции. Пространственные (и другие) значения, однако, выражаются, напр., не только обстоятельством места, но и другими членами предложения. Ср.: *Она приехала к нам из Москвы. – Она московская девушка. – К нам приехала москвичка. – Москвичка приехала. – Валя – москвичка.* Поэтому этот термин мы «переименовали» в **языковую семантическую категорию**, которая подсказывает, что определенное значение может выражаться разными языковыми средствами, выступающими в разных функциях. Обращаю внимание автора и читателей на тенденцию развития лингвистики в последние десятилетия XX-го века, после того как исследование лишь формальных отношений языковых единиц доказал свою несостоятельность для всестороннего описания языковых единиц, следовало в общих чертах трём аспектам семиотики: *синтактике, семантике и прагматике*. **Синтактика** объясняет, как устроено высказывание. Она изучает отношение языкового знака к другим языковым знакам и его **ф у н к ц и ю** в языковых единицах более высокого уровня. **Семантика** описывает отношение языковых знаков к категориям логики и фрагменту действительности, т. е. сигнификативно-денотативное з н а ч е н и е языковых знаков. **Прагматика** же изучает отношение между языковыми знаками и теми, кто их использует. Семантика показывает, *что означает данная конструкция*, прагматика же раскрывает *в каких условиях с какой целью какие модификации возможны в синтактике (в формальной структуре) и в семантике языковых единиц*. В прагматике учитывается «человеческий фактор» знаковых систем. Синтаксическая прагматика описывает осуществление речевого намерения говорящего в конкретных ситуациях речевых актов.

1.3. В главе «Пространственные отношения» указывается, что при выражении пространственных значений в языке существенную роль играют: а) локализуемый предмет; б) ориентир, по отношению к которому определяется расположение локализуемого предмета; в) предикативный признак локализуемого предмета: его существование, наличие, действие, состояние, движение и т. д.;

г) способ выражения локативного отношения между локализуемым предметом и ориентиром.

1.4. В главе «Система пространственных значений в русском языке» пространственные значения дифференцируются в зависимости от отношения локализуемого предмета к ориентиру. Выделяются следующие типы (см. стр.23):

1. Обозначение местонахождения предмета в пределах, в рамках ориентира или на его поверхности.
2. Обозначение движения предмета.
3. Обозначение местонахождения или движения предмета вне ориентира, по отношению к различным его сторонам: *перед, за, над, под* ориентиром и по отношению к *боковым* сторонам ориентира.
4. Расположение предмета между несколькими ориентирами.
5. Расположение предмета на некотором расстоянии от ориентира: *в близости* или *в удалении* от ориентира.
6. Обозначение *конкретного расстояния* между предметом и ориентиром.

В каждой из рассматриваемых разновидностей возможны вариации в зависимости от статики – динамики, наличия или отсутствия контакта между предметом и ориентиром. Динамическое значение предполагает разбиение на более частные типы значений в зависимости от направленности движения или действия: исходный пункт движения – старт, трасса движения или конечный пункт движения – финиш.

Нами устанавливается несколько иная классификация пространственных отношений, поскольку мы уже при исходной классификации принимаем во внимание тройственность направленности движения, отвечающая на вопросы *куда?* – *где?* – *откуда?* (Иштван Пете, Синтаксис русского языка... Танкёньвкиадо, Будапешт, 1991, 255–56). У нас имеется следующие ориентировочные типы локальных отношений:

1. Точечные локальные отношения, характеризующиеся тройственностью отношений. Они делятся на внутренние, внешние, поверхностные, верхние, нижние, передние, задние, противоположные, околonaходящиеся (непосредственный контакт, наименьшая, средняя и наибольшая степени близости), боковые, срединные и интерпозиционные типы.

2. Линейные локальные отношения, указывающие на место, имеющее вид линии, расположенное по линии локализатора. Они не характеризуются тройственностью отношений. Внутри них выделяются 5 типов: параллельные, диагональные, перпендикулярные, предельные и транспозиционные.

3. Окружные локальные отношения указывают на кругообразное место. Они делятся на круговые и обходные типы.

В книге А. Николовой в дальнейшем следует детальное описание отдельных типов пространственных отношений. При описании каждого типа сначала инвентаризируются возможные средства (предлоги, наречия, имена существительные, прилагательные и глаголы) выражения данного типа, потом следует семантическое и прагматическое описание отдельных средств в русском языке. Сопоставление с болгарским языком, по-моему, является весьма удачным: подчёркивается

самое важное, показывается системное соотношение средств, не мешающее пониманию системности обозначения локальных отношений в русском языке.

Книга предлагается вниманию ученых, занимающихся сопоставительным описанием языков и студентов, изучающих русский язык.

Иштван Пете (Сегед)

Rudincová, B.: Практическая функциональная грамматика русского языка (для студентов-бакалавров). Skriptum. Ostravská univerzita, Ostrava 1998, 156 s.

До сих пор преподавание грамматики в вузах, готовящих специалистов по русскому языку, не нашло такого теоретического начала и не применяет такие методы, которые давали бы удовлетворительные результаты в уровне знаний и умений выпускников-русистов.

Для таких целей надо найти соответствующую концепцию презентации грамматических фактов, которая приводила бы не только к знаниям о языке, но, прежде всего, к активному владению языком. Такие требования могла бы удовлетворить лишь такая грамматика, которая была бы ориентирована на коммуникативную компетенцию учащихся.

На нынешнем этапе лингвистических исследований оказывается необходимым функциональный подход, отличающийся тем, что он интегрирует разнородные средства – морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические – на базе общности их функций. Такой тип грамматики и обоснован не только логикой развития лингвистической теории, но и потребностями практики активного изучения языков. Учащиеся должны получить информацию о том, какими средствами выражаются в данном языке те или другие разновидности семантики, которые в их мысли сформулированы на родном языке (ср. длительность времени, определенное место в пространстве, причина, условие, качество или количество предметов, возможность, необходимость, намерение и т. п.).

Ориентация на семантические категории как исходные согласуется с новейшими теориями мировой лингвистики и лингводидактики, обращающими внимание от изолированных языковых средств и их парадигм к речевой деятельности, к коммуникативному принципу.

Говорящий на любом иностранном языке должен обладать прочными, но сжатыми знаниями инвентаря лексической основы, в нашем случае, русского языка, его морфологических форм, словообразовательных средств и моделей предложения. Это языковая предпосылка, которую он должен получить в описании, идущем от формы к функции. Поэтому в вузовской подготовке русистов все виды обучения языку должны быть координированы с точки зрения единого коммуникативного аспекта (ср. Зимек, Р. – Фоминых, Б. И.: *Теоретическая и*